

Таким образом, очевидно, что автор „Слова о житии“ взял описание битвы из паримийного чтения и лишь одной деталью („Дон река ... главы аки камене ...“) воспользовался из Летописной повести.

Есть основание думать, что и с повестью об Александре Невском автор „Слова о житии“ был знаком не только через Летописную повесть.

В стиле жития—повести „о мужестве“ Александра Невского рассказано в „Слове о житии“ о том, как прославился великий князь Дмитрий Иванович за пределами своего государства.

Слово о житии

Повесть об Александре Невском

И умножися слава имени его... страхом господства своего огради всю землю, от восток и до запад хвало имя его; от моря и до моря, от рек до конца вселенныя превознесися честь его и многы страны ужасошася...

угобзи бо ему бог днии и чти во славу ему, его же имя слышано бысть во всех странах от моря варяскаго до моря понтеискаго ... распространи бо ся имя его пред тмы тмами... грозно на ратех... и славна бысть земля его страхом грозы его и храборства его...

Есть совпадения с повестью об Александре Невском и в отдельных выражениях. Дмитрий приглашает „князей и велмож своих“: „лепо есть нам, братие, положить главы своя за правоверную веру крестьянскую“—„мужие“ Александра обещают ему перед боем: „ныне приспе время нам положить главы своя за тя“; князь Дмитрий возвратился с победой „яко же преже Моисии Амалика победив“—Александр молится: „помози ми, боже, яко же древле Моисеови на Амалика“.

К иным источникам ведет нас обширный плач княгини Евдокии по умершему великому князю.

Плач княгини Евдокии вносит по преимуществу интимно лирическую ноту в похвалу национальному герою, государственному деятелю. В этом плаче господствующая тема—личное горе молодой вдовы с детьми. Эта тема роднит книжный плач с народными вдовьими причетами. Войдя с XV в., как постоянный элемент, в княжеские жития и в некоторые светские биографии, плачи вдов дополнили их выражением личных настроений.

Плач Евдокии обычно расценивается исследователями как приспособление книжником вдовьих народных причитаний. Так, Г. З. Кунцевич (История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905, стр. 379—380) прямо говорит: „Плач Евдокии—народный плач, причитание, конечно, несколько видоизмененное книжником“. С. К. Шамбинаго, указывая на отражения этого плача в третьей редакции Сказания о Мамаевом побоище, еще в 1909 г. утверждал: „плач Евдокии составлен, несомненно, на основании народных причитаний“ (Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 280). Однако, здесь еще не вполне ясно, относит ли автор свое замечание к переделке плача в Сказании, или к самому оригиналу из „Слова о житии“. В своей новейшей статье, дающей обзор повестей о Мамаевом побоище (История русской литературы, изд. ИЛИ АН СССР, т. II, ч. I, М.—Л., 1946, стр. 210), С. К. Шамбинаго приводит ряд сопоставлений отдельных мотивов плача Евдокии с народными, по преимуществу вдовьими, причетами.

Действительно, с народными похоронными причитаниями плач Евдокии сближается не только общей темой, но и рядом общих приемов-мотивов. Однако при установлении непосредственной связи с причетами